

Мы, конечно, все с интересом наблюдаем, как Украина выбирает место. Европа или, мягко скажем, что-нибудь еще? Но украинцы мелковато плавают. Россия, например, выбирает время. Многие думают, что вектор нашего выбора — средневековье. Попробую показать, что это распространенное мнение ошибочно.

Вот имеется инициатива группы граждан, поддержанная знаменитой Мизулиной Е.Б. — переписать преамбулу Конституции. Добавить туда строчку о том, что православие является основой национальной и культурной самобытности России на протяжении всей ее тысячелетней истории. Инициатива во многих отношениях поразительная.

Если вы вдруг не знаете, преамбула — это абзац текста, с которого наша Конституция начинается. Там написано, что мы, «многонациональный народ Российской Федерации», Конституцию принимаем. Чтя память предков, утверждая незыблемость демократической основы, ощущая себя частью мирового сообщества и так далее. А теперь еще предлагают подчеркнуть особую роль православия.

Конечно, тут много нюансов. Способ внесения изменений в преамбулу Конституции не описан. Сами собой возникают вопросы о светском государстве, о свободе совести, о равенстве конфессий — авторы идеи пытаются их неуклюже обойти, утверждая, что на основы конституционного строя не покушаются и речь только о констатации исторического факта.

Непонятно, правда, насколько эти аргументы окажутся важными не для исламских богословов даже, а для лидера молодого исламского государства Чечня, независимого от российских законов, но исправно взимающего с России дань и до сих пор почему-то считающегося частью России. Мне кажется, лидер расстроится, а он не из тех людей, которых можно расстраивать безнаказанно. Хоть бы и главе думского комитета по вопросам семьи.

Ну, и потом, если речь просто о фактах и явлениях, оказавших влияние на историю, то почему бы не упомянуть в преамбуле Конституции монголо-татарское иго, например? Оно явно оказало влияние на ход российской истории и формирование политической системы. Кроме того, упоминания об иге, говорят, из учебников истории исчезнут. Пусть хоть в Конституции останутся.

Но это все пустяковые отговорки. В конце концов, у нас было время привыкнуть к тому, что одни и те же депутаты произносят речи о величии Конституции — грядет ведь юбилей — и принимают антиконституционные законы. Это уже обыденность, а в данном случае мы имеем дело со случаем поинтереснее.

И самое интересное — не в самой предполагаемой поправке к преамбуле, а в письме, которое инициаторы поправки направили президенту. Там, конечно, величие истории, цитата из Ивана Ильина, но — помимо этого обязательного набора — еще одна фраза. Наверное, ключевая. «И так же, как законодательно закреплён государственный суверенитет Российской Федерации, мы призываем закрепить её суверенитет духовный, признав в Конституции особую роль Православия».

Вообще говоря, Конституция ведь — живой документ, описывающий взаимоотношения живых людей с государством, существующим в конкретную историческую эпоху. Представления о допустимом и должном, о правах и свободах, о взаимных обязанностях государства и граждан со временем меняются. Появляются новые тексты конституций взамен старых, или старые обрастают поправками. Но новой России, государству третьего срока, явно тесно в рамках настоящего. С живыми настоящими людьми, у которых есть права. Эта новая Россия ищет себе другое время — и, повторюсь, не в прошлом, как многие думают.

Новая Россия создает новую идеологию. Довольно дикую по временам нынешним. Для самооправдания ей нужен особый образ истории. Истории как непрерывной череды побед государства, генерирующего только поводы для гордости. В котором люди во все века жили только для государства и вне государственной жизни не представляли из себя никакой ценности. Нужен искусственный конструкт, вневременная история, история вечности с сияющим Кремлем на том месте, где в Апокалипсисе был Небесный Иерусалим.

Вот эта попытка вырваться из исторического времени, в котором у государств бывают взлеты и падения, где величие соседствует с позором, где живые люди и их действия в итоге оказываются более важными, чем государство, — это и есть «утверждение духовного суверенитета России», требующее законодательного закрепления.

Не знаю, что тут может служить более ярким символом — известная история с плакатом времен войны, когда у солдата Красной армии за спиной вдруг проросли церковные

купола, или водолаз в скафандре, расписанном под хохлому, несущий олимпийский факел по дну Байкала. Во внеисторическом времени возможно все.

А главное, в нем всему можно найти оправдание. пытки в качестве дозволенного метода дознания на протяжении лет семисот считались вещью вполне нормальной, и не только в России. И раз мудрые предки ими не гнушались, что нам мешает? Ну и так далее. Для духовно-суверенной страны нет ничего невозможного.

Мы вот когда-то над «суверенной демократией» опрометчиво смеялись, не представляя себе даже, насколько она мягче и человечней грядущих дней духовного суверенитета.

А православие, кстати, ни при чем. Строителям духовного суверенитета совершенно безразлично, чем прикрываться. Просто под руку подвернулось — и с патриархом, конечно, повезло.

Источник - <http://lenta.ru/columns/2013/11/25/duh/>